

ИММАНУИЛ ВАЛЛЕРСТАЙН

Капитализм: противник рынка?¹

Не далее как еще сорок лет назад роль рынка при капитализме трактовалась достаточно однозначно. Рынок рассматривался в качестве определяющей черты капитализма не только потому, что был ключевым элементом его функционирования, но и потому, что четко отделял капитализм от двух противоположностей, которым он часто противопоставлялся: с одной стороны, от феодализма, который предшествовал ему, а с другой — от социализма, который, как ожидалось, должен был его сменить. Как правило, это подразумевало, что феодализм был дорыночной системой, а социализм — пострыночной.

Сегодня больше нельзя использовать данное разделение в качестве основания теоретического анализа. И отнюдь не потому, что данная схема упрощает реальность, а, скорее, потому, что она ошибочна вся в целом, по крайней мере, в силу трех причин.

Прежде всего, значительно продвинувшиеся после 1945 г. исследования феодального общества четко показали, что последнее больше нельзя рассматривать в качестве закрытой системы, основывающейся на элементарных формах сельскохозяйственного производства в рамках так называемого натурального хозяйства. В действительности, рынки существовали везде, и они были глубоко укоренены в логике функционирования этой исторической системы. Конечно, при этом существовало множество отличий с капиталистической системой. Коммодификация была ограниченной, рынки были исключительно местными или были связаны с торговлей на дальние расстояния, но они редко являлись «региональными». При этом торговля на дальние расстояния ограничивалась прежде всего предметами роскоши. Тем не менее контраст с тем, что возник-

¹ Печатается с любезного разрешения автора по тексту: Wallerstein I. Capitalism: The Enemy of the Market? // Wallerstein I. Unthinking Social Science. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 202–206. Первоначально опубликовано в качестве статьи: Wallerstein I. Braudel on Capitalism and the Market. Monthly Review. 1986. Vol. 37. No. 9. P. 11–16.

нет позже при капитализме, станет менее четким, если мы рассмотрим действительность феодального общества более пристальным взглядом.

Таким же образом реально существующий социализм демонстрирует явную тенденцию к развитию рынка, что происходит двумя способами. Прежде всего, теоретики все более и более согласны в том, что так называемые социалистические / коммунистические страны вряд ли полностью и окончательно исключены из существующего мирового рынка. Во-вторых, на национальном уровне, практически все государства социалистического лагеря стали арендой длительных внутренних дискуссий о достоинствах определенной либерализации внутреннего рынка. В наши дни даже появилось новое понятие — «рыночный социализм».

Итак, реальная действительность и феодализма, и социализма вступает в явное противоречие со старой теоретической схемой. Более важным является, однако, то, что реальная действительность капитализма еще больше противоречит ей. И здесь работы Фернана Броделя имеют для понимания этого ключевое значение. Центральным моментом его последней трилогии является выделение трех уровней капиталистической действительности, в котором слово «рынок» используется только для обозначения лишь одного, среднего уровня, ниже которого находятся «структуры повседневности», а выше — собственно «капитализм». В особенности Бродель намеревается переформулировать привычное взаимоотношение между рынком и монополиями. Обычно мы считаем, что конкуренция и монополия являются двумя противоположными полюсами капиталистического рынка, которые некоторым образом чередуются между собой. Бродель же видит их скорее в качестве двух устройств, которые находятся в непрерывной борьбе друг с другом, при этом он хочет использовать понятие «капитализма» только для наименования такого рода монополий.

Действуя так, Бродель переворачивает вверх дном все наши привычные теоретические подходы. Вместо того чтобы рассматривать в качестве ключевого элемента исторического капитализма свободный рынок, он выдвигает в качестве такового установление монополий. Существование господствующих на рынке монополий — вот что является определяющим элементом нашей системы, и это то, что достаточно четко отличает капитализм от феодального общества, а также, возможно, и от мировой системы социализма, на что до сих пор редко обращают внимание.

Адам Смит и Карл Маркс оба согласны между собой в некоторых вещах, прежде всего в том, что конкуренция для капитализма является нормой, при этом нормой как идеологической, так и статистической. Соответственно, по их мнению, монополия является исключением, а не правилом, ибо, в соответствии с этим объяснением, она вызывает ответное сопротивление. Такая идеология пустила глубокие корни во взглядах людей, не только широкой публики, но и обществоведов.

Однако, со статистической точки зрения, монополия не является редким явлением. Скорее наоборот, примеры их окружают нас со всех сторон, однако надо прочитать указанную выше трилогию Броделя, чтобы

увидеть, как далеко все это уходит в прошлое. Монополии не только почти всегда существовали при капитализме, но они также и почти везде играли крайне важную роль. Поэтому те, кто контролировал эти монополии, всегда выступали и в качестве самых крупных и мощных аккумуляторов капитала. Фактически не будет преувеличением сказать, что способность к накоплению большого количества капитала зависит от способности к установлению монополий.

Мне кажется, что мы можем вынести три главных урока от прочтения этой броделевской трилогии. Все они выступают против бесчисленного сонма общепринятых истин и, как минимум, подрывают несколько распространенных теорий. Давайте начнем со знаменитого утверждения о том, как буржуазия или капиталисты последовательно превращаются соответственно в купцов, промышленников и финансистов. Как много чернил было потрачено и все еще тратится, чтобы показать, какой из видов капитала был доминирующим в тот или иной период времени или точке пространства? Сколько развелось теорий, пытающихся продемонстрировать что-то типа естественной прогрессии от доминирования торгового капитала к доминированию капитала промышленного, а потом финансового? Сколько путаницы было внесено при обсуждении вопроса о роли и собственно существовании аграрного капитализма?

Однако это есть псевдопроблема. Бродель очень четко показывает, что крупные капиталисты всегда стремились объять все — торговлю, производство, финансы. И только играя во всех этих трех сферах, они могли быть способны надеяться на достижение монополистических преимуществ. Только второразрядные предприниматели специализировались на чем-то одном, они были или чистыми купцами, или чистыми промышленниками.

Таким образом, ключевое различие между капиталистами пролегает не между торговцами, промышленниками и финансистами, а между теми, кто не имеет никакой определенной специализации, и теми, кто ее имеет. И это различие очень сильно коррелирует с противоположностью большого и малого, транснационального и локально-национального, монопольного сектора и сектора конкурентного, то есть между тем, что Бродель обозначает в качестве «капитализма», и тем, что он называет «рынком».

Как только мы примем такое направление анализа, сразу несколько других квазипроблем рассеиваются одна за другой: когда капитал интернационализировался (монополии всегда имели международный характер); или как объяснить неоднократные «измены» буржуазии (перетекание капитала между сферами является неотъемлемой чертой логики монополистического поведения в условиях постоянных конъюнктурных изменений). Объяснение так называемой промышленной революции в Англии в конце XVIII столетия теперь становится совершенно иным вопросом: как и почему в этот период времени образовалась возможность получения такого достаточного объема монополистической прибыли в текстильном производстве, чтобы привлечь крупный капитал?

Второй урок в меньшей степени является непосредственно броделевским. Тем не менее его работы позволяют нам лучше вооружиться для отстаивания той безусловной истины, что все монополии имеют под собой политическую основу. Никто никогда не может достигнуть господства в экономике, подавлять ее и сдерживать, ограничивая действие рыночных сил, не имея политической поддержки. Это всегда требует силы, применение некоторой политической власти, создания неэкономических барьеров для входа на рынок, установления жутких цен, получение гарантий того, что люди купят то, что им не особенно нужно. Утверждение, что кто-то может быть капиталистом (в броделевском смысле слова) без поддержки государства, не говоря уже при оппозиции к нему, является полностью абсурдным. Я говорю «без поддержки государства», но, конечно, под этим не обязательно имеется в виду собственное государство данных капиталистов. Иногда это может быть и совершенно другое государство.

Но если это действительно так, то изменяется сам смысл право-левого противостояния в современном мире. Это не есть и никогда не было борьбой за обоснование государственного вмешательства в экономику, ибо государство является одним из неотъемлемых элементов функционирования капиталистической системы. Смысл этого противостояния состоит скорее в том, кто будет прямым и непосредственным бенефициаром такого государственного вмешательства. Все это помогает нам прояснить смысл многих наших политических дебатов.

В конечном счете Бродель позволяет нам быть слегка сдержанными в выказывании энтузиазма по поводу новых технологий, которые, безусловно, рассматриваются в качестве «прогресса» большинством приверженцев Смита и Маркса. Каждый крупный технологический прорыв дает новую жизнь монополистическому сектору. И каждый раз конкурентный рынок вновь обретает почву под ногами в своей борьбе с монополистическим сектором: это может произойти через увеличение количества экономических акторов, в силу сокращения издержек производства, а следовательно, цен и прибыли. Кто-то еще (но кто этот «кто-то»?) пытается совершить новый крупный технологический скачок вперед, направив капиталистическую мир-экономику обратно в фазу расширения, что, в свою очередь, опять обогащает крупных капиталистов, ибо они в который раз получают закрытый и крайне прибыльный сектор, который будет оставаться таковым как минимум в течение следующих 30 лет.

Я намечил достоинства броделевского анализа взаимоотношения капитализма и рынка. Однако я должен высказать и большие опасения в связи с тем, как могут быть использованы эти аргументы. Тут очень просто совершить незаметный скачок к новому варианту романтизации свобододобного «маленького человека», который противопоставляется мерзкому и подлому «большому человеку», душащему вашу свободу. От этого остается только один шаг до неопужадистского взгляда на мир.

Для того чтобы спасти нас от такого неудачного вывода, чтобы спасти Броделя, позвольте мне сказать несколько слов о великом лозунге

Французской революции «свобода, равенство, братство». Эти понятия всегда рассматривались как три различные вещи. Почти 200 лет мы спорим о том, насколько совместимы они друг с другом. Возможна ли свобода в условиях равенства? Является ли свобода препятствием для достижения равенства? Не ведут ли свобода и равенство в противоположную сторону от братства? И такие вопросы можно продолжить.

Возможно, мы должны пересмотреть взаимосвязь этих трех понятий в свете броделевского анализа. Если «рынок» как пространство «маленького человека», территория свободы, находится в непрерывной борьбе с «монополиями», пространством «больших и сильных», территорией узурпации, и если монополии существуют только благодаря некоторым типам государственного действия, следует ли из этого, что борьба против различных неравенств — экономических, политических, культурных — является, в сущности, одной и той же борьбой? Монополии доминируют благодаря тому, что они ликвидируют свободу и равенство в экономической сфере, почти всегда в политической сфере и весьма часто в культурной (хотя последний момент мы здесь не обсуждаем). Выступать в пользу броделевского «рынка» означает для меня в конечном счете выступать за большее равенство в нашем мире. То есть это борьба за человеческую свободу, в конечном счете это стремление и к братству, ибо логика такой борьбы не допускает существование «низших» (subhumans). И это подводит нас к последнему переворачиванию нашей теоретической перспективы. Вполне может быть, что триумф рынка (в броделевском смысле) больше не будет признаком капиталистической системы, а окажется предзнаменованием мирового социализма. Вот это сногшибательный кульбит!

Понятно, что сейчас мы перешли от обсуждения исторического прошлого к будущему, которое всегда трудно предугадать. И это последний урок, который мы можем почерпнуть из Броделя. Нам будет отнюдь не просто прийти к победе броделевского рынка. Бродель оставляет для нас единственную надежду — этот рынок, или, точнее, те люди, из которых он состоит, никогда не смиряются со своим поражением. Каждый день снова и снова они поднимаются на тяжелую борьбу ради того, чтобы обуздать узурпаторов, подорвать их экономическую мощь и расшатать их важнейшие политические структуры.

Перевод с английского Александра Фисуна